

К. Ю. ЛАВРОВ

«Но быть живым, живым и только...»

Мой большой друг, к сожалению, уже покойный, замечательный театровед и критик Александр Свободин называл это «боязнью чистого листа». Когда перед тобой чистый лист бумаги в руке перо и надо начать писать. Будить в своей душе полузабытые воспоминания... Очень трудно написать первую фразу... Вот и я сейчас пытаюсь вспомнить, осознать свои впечатления от знакомства, встреч с человеком, который вошел в историю России, да и в мировую историю. Я не исследователь, не историк и не политик, поэтому мои заметки — это абсолютно субъективные впечатления от встреч, часто очень кратких, с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, человеком, имя которого для людей моего поколения является символом времени, перемен, новых свежих мыслей и надежд.

...Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло невосвратно...

Как просто и как точно звучат слова пушкинского Пимена...

Как и все советские люди, я впервые увидел лицо Горбачева на страницах газет, извещающих о том, что избран новый секретарь ЦК КПСС, который будет заниматься вопросами сельского хозяйства. Его молодость (на фоне дряхлеющего Политбюро), умные глаза, приятные, правильные черты лица вызывали осторожную симпатию. Раз или два я слышал его выступления. Очевидная образованность, умение грамотно и убедительно выражать свою мысль дополняли первое впечатление. Не мешали даже его ставропольский говорок и неправильные порой ударения

в словах. Чувствовалось, что человек умен и понимает то, о чем говорит, а не просто зачитывает тексты, написанные референтами. Для того времени это уже было большим достижением. А первое наше личное, непосредственное знакомство состоялось уже после того, как Михаил Сергеевич был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Кажется, весной 1986 года (с хронологией у меня всегда было неважно) в ЦК партии состоялась встреча деятелей театра с Е. К. Лигачевым. На Старую площадь пригласили человек тридцать, в том числе Г. А. Товстоногова¹ и меня. Первая половина встречи мне ничем особенным не запомнилась — обычные призывающие слова, привычные формулировки. Но в конце Лигачев вдруг объявил перерыв, сказав, что, может быть, через какое-то время с нами встретится Генеральный секретарь (если он освободится и найдет для этого время), а пока, дескать, покурите, попейте водички, но не расходитесь далеко. Все были заинтригованы, всем очень хотелось посмотреть на нового Генсека... Но тем не менее кто-то толпился у столиков с настоящим «Боржоми» и «Байкалом», кто-то выстроившись в очередь к телефону, пытался дозвониться к себе на службу.

Горбачев появился как-то очень тихо и незаметно, следом за ним шел Лигачев и еще кто-то, вероятно, охрана. Весь о том, что Генсек пришел, разнеслась мгновенно, и сравнительно небольшая комната перед тоже небольшим залом, где проходило совещание, заполнилась людьми. Все стояли. Горбачев медленно двигался в толпе, здороваясь и пожимая руки. Он был в темно-синем костюме и почему-то показался мне меньше ростом, чем я предполагал. Никакой пышности и помпы — охрана никого не толкала, сопровождающие не суетились. Горбачев был тих, внимателен и сосредоточен... Поравнявшись со мной. Он поднял глаза, внимательно посмотрел и улыбнулся: «Кирилл, здравствуй», — сказал он мне, как будто мы были давно знакомы. Я никогда не видел таких светящихся, сияющих глаз — точно два фонарика горят. Обращение на «ты» не смутило меня — я привык, что в среде партийных руководителей это принято. «Где снимаешься сейчас? Я видел многие твои фильмы...». Он пошел дальше. «Здравствуйте, Георгий Александрович, — обратился он к Товстоногову уже на «вы». — Как живет ваш БДТ?»

Он шел дальше, пожимая руки и называя многих по именам. Вряд ли он смог выучить наши имена за несколько минут до встречи. Значит, знает нас? Все были этим приятно поражены, потянулись за ним в зал и сели вдоль длинного стола, за которым прошла первая часть нашего заседания. Михаил Сергеевич сел

в торце, на председательское место. Повисла небольшая пауза, все с нетерпением ждали, что и как будет говорить новый Генсек. И он заговорил. Это был монолог. Но какой! Горячий, убежденный. Чувствовалось, что человек поглощен и увлечен идеями, роящимися в его голове. Никаких бумажек и шпаргалок. Речь шла о необходимости перестройки, о невозможности жить так, как жили раньше. Все слушали, раскрыв рты, — так это было не похоже на все бесчисленные встречи, заседания, совещания, на которых каждый из нас присутствовал ранее.

Потом он предложил задавать вопросы или просто выступить, если есть желающие. Я уж не помню, кто что говорил: выступающих было немного, все были под впечатлением монолога. Помню, Товстоногов спросил: «Михаил Сергеевич, нас беспокоит появившаяся в последнее время в некоторых СМИ тенденция к реабилитации образа Сталина. Что вы думаете по этому поводу?» — «О каждом времени надо судить объективно, — ответил Горбачев после короткой паузы. — Все, что было страшного и плохого, надо осудить, а что было положительного и хорошего, тоже забывать нельзя. Это все наша история...»

Как мне показалось, Георгия Александровича не очень удовлетворил этот ответ. Попрощавшись и сказав, что очень рассчитывает на поддержку творческой интеллигенции, Горбачев встал и вышел в сопровождении Лигачева в какую-то боковую дверь.

Мы с Товстоноговым жили в гостинице «Москва». Он ушел туда раньше, а я решил воспользоваться случаем и купить в буфете хороших и недорогих сигарет. Придя в гостиницу, я не находил себе места — слишком много было впечатлений. Я снял трубку и набрал номер Товстоногова: «Георгий Александрович, можно сейчас к вам зайти?» — «Заходите, Кира». Я спустился на один этаж по широкой мраморной лестнице и постучался в дверь товстоноговского номера. «Кира, это вы?» — «Я». Щелкнул замок, и дверь приоткрылась. Товстоногов был в трусах и без очков. Это зрелище было настолько неожиданное, что я невольно задержался в дверях. «Проходите, проходите», — сказал он и сел на кровать. «Ну, и что вы можете сказать о нашем новом Генсеке?» — спросил я. Он посмотрел на меня снизу вверх странными без привычных очков близорукими глазами и после небольшой паузы выдохнул: «Потрясающе!!!»

12 октября 1987 года в БДТ была премьера. Как было принято, все должны были откликнуться на приближающуюся годовщину Великого Октября. К этому случаю была выбрана пьеса Горького² «На дне». Некоторые партийные чиновники усмотрели в этом некий скрытый смысл. Как так? 70 лет советской власти, и вдруг... «На дне»? Это не просто так! И неожиданно Горбачев, найдя

шийся тогда в Ленинграде, изъявил желание посетить именно БДТ. Волновались все: волновались аппаратчики, боясь за свою карьеру, волновался Товстоногов, искренне считавший «На дне» едва ли не лучшей пьесой Горького, волновались, конечно, и мы, все артисты, занятые в этом спектакле.

И вот в зале появился Михаил Сергеевич. Не в правительственной ложе, специально предназначенной для подобных визитов, а именно в зале. Он вошел, держа за руку Раису Максимовну, и они пошли по проходу к своим местам в третьем ряду. Весь зал встал и приветствовал их — Генсека и его жену, которую он нежно держал за руку: это было нечто совершенно необычное.

Спектакль прошел хорошо, было много цветов и аплодисментов, одним словом — успех, но... Что же скажет Генсек? Этот вопрос волновал всех.

После поклонов, когда занавес был опущен, всех артистов попросили остаться на сцене, и к нам пришли Горбачевы в сопровождении ленинградского партийного руководства. Их сразу же обступили артисты. Михаил Сергеевич сказал, что спектакль ему очень понравился, что он оптимистичен, светел, что он напомнил ему известную картину художника Ярошенко «Всюду жизнь» — а это одна из самых любимых его картин, и вообще он поклонник «передвижников». Лед был сломан, все опасения отмечены, и завязался оживленный разговор. Оказывается, задолго до этого дня, еще живя в Ставрополье и бывая в Ленинграде, он посещал наш театр. Тут же назвал Лебедева³ Евгением Алексеевичем, Стрельчика⁴ — Владиславом Игнатьевичем, Базилашвили⁵ — Олегом. «А где наша любимая малышка Алиса?» — вытащил он вперед скромно стоявшую в стороне Алису Фрейндлих⁶. Одним словом, мы расставались уже как добрые старые друзья.

Впоследствии я заметил, что ему хорошо и уютно в среде артистов. Он любит театр, знает живопись и поэзию, сам неплохо поет, что и доказал в один из последующих приездов к нам в театр, когда они увлеченно пели с нашей чудной актрисой Ниной Усатовой «Поле, русское поле...» Отсюда и его дружба с покойным ныне Олегом Ефремовым⁷.

Когда в мае 1989 года не стало Товстоногова, а в Москве в это время проходил Съезд народных депутатов, и я в перерыве сказал Горбачеву об этом печальном событии, он искренне огорчился: «Это огромная потеря для всей нашей культуры», — сказал он, тут же позвонил в Ленинград и попросил, чтобы похоронили Товстоногова в Александро-Невской Лавре, как мы того добивались.

В один из приездов он смотрел у нас «Коварство и любовь». «Как хорошо, что вы так сильно сократили пьесу и придали дина-

мику действию. Играть сегодня Шиллера без сокращений просто невозможно. Кстати, об этом говорил еще и Гете, современник и друг Шиллера». Ого, подумал я, Шиллера читал, Гете знает! Как приятно, что наш лидер — образованный и культурный человек!

Помню и декабрь 1986 года. В Кремле проходил Учредительный съезд Союза театральных деятелей СССР. Я должен был делать доклад. Волновался, конечно, ужасно: я знал, что обещал быть Горбачев вместе с членами Политбюро. Царила обычная в таких случаях суета. Вдруг ко мне подходит какой-то человек и просит следовать за ним. Мы идем по коридору, спускаемся по лесенке и оказываемся в комнате, где за столом сидят и пьют чай все члены Политбюро во главе с Горбачевым. Лица, которые я знал только по портретам, на демонстрациях... Было ощущение, что я смотрю хронику. «Садись! — сказал мне Горбачев и попросил:

— Налейте Кириллу Юрьевичу чаю».

Я отхлебнул глоток. Очень захотелось курить, но я понял, что тут это не принято. «Доклад у тебя большой? Я смогу быть только до перерыва». — «Нет, минут на 35». — «Ну и хорошо. Пошли, товарищи, время». Перед дверью, ведущей в президиум, выстроились все по ранжиру: впереди Генсек, за ним члены Политбюро, затем кандидаты в члены... Я встал в стороне, намереваясь их пропустить и выйти последним. «Иди, иди сюда, вперед, а мы за тобой, ты сегодня здесь хозяин». Я пытался сопротивляться, и произошло нечто похожее на сцену Чичикова с Маниловым. И все-таки он вытолкнул меня первым, и мы двинулись на свои, заранее определенные места.

На съезде меня избрали Председателем Союза театральных деятелей СССР. А через несколько дней я был приглашен на заседание Политбюро для утверждения меня в новой должности — таков порядок. Когда я приехал в Кремль и входил в зале заседаний Политбюро, видения обступили меня... Да еще в приемной показали мне место, где какой-то министр, здоровый мужчина, упал в обморок, выйдя из зала заседаний. Длинный стол, за ним опять вся портретная галерея. «Батюшки, ведь здесь же арестовывали Берию!» — пронеслось у меня в голове. Здесь объявили Хрущеву о его принудительной отставке. А сколько произошло других трагедий и событий вот здесь, в этой комнате. За этим самым столом. Горбачев, как ему и полагалось, сидел в торце и вел Политбюро. Приглашенные сидели сбоку, на отдельных стульях. Наш вопрос много времени не занял. СТД СССР и как Председатель были утверждены.

«Но вы же, Кирилл Юрьевич, ленинградец, а Правление Союза будет находиться в Москве. Как же быть? Может быть, СТД СССР

перевести в Ленинград?» — пошутил Горбачев. «Нет, не стоит, — решил пошутить и я, — подобное “ленинградское дело”⁸ уже было в истории». Горбачев расхохотался. «Поздравляю с утверждением. Идите работайте», — добавил он уже серьезно. Я потом много раз замечал за ним эту манеру быстро менять интонацию в разговоре: смеется, заливается и вдруг... очень серьезен.

А еще вспоминаю поездку в Китай. Это был официальный визит главы государства, а Михаил Сергеевич завел правило брать с собой в такие поездки целую команду сопровождения. В основном из числа интеллигенции: ученые, писатели, артисты...

Днем каждый из нас занимался своими профессиональными контактами. Я встречался с китайскими артистами, театральными деятелями, ходил в театры. А вечером вся команда собиралась за чаем, и мы рассказывали Горбачеву о своих впечатлениях. Каждый в своей области. Таким образом он хотел получать наиболее полную информацию о стране, в которой находился. Жили мы все вместе на большой, тщательно охраняемой территории парка, за высокой стеной, только, естественно, в разных особняках. А вокруг стены день и ночь не прекращались демонстрации. Невидимые нам толпы молодежи ходили вокруг нашей территории и громко скандировали по-русски: «Гор-ба-чев, иди к нам!» Как ему хотелось выйти к ним! Его советники с трудом удерживали его от этого шага. Ему была, как мне кажется, мила эта обстановка романтической эйфории, царившей тогда в Пекине, которая так трагически закончилась сразу после его отъезда⁹.

В конце визита состоялась банкет, не официальный, только для нашей делегации. Стояло несколько круглых столов, места были распределены. Я оказался за столом с Михаилом Сергеевичем и Раисой Максимовной. Тут же сидели Е. Примаков, Э. Шеварднадзе, Э. Ишмухамедов, С. Залыгин, С. Коптюг¹⁰, О Трояновский¹¹, Р. Паулс¹², Ч. Айтматов¹³, Л. Филатов¹⁴. Мы хорошо выпили вкусной китайской водки. Михаил Сергеевич пил вместе со всеми, и я, помню, еще подумал: «Ай-ай-ай, Михаил Сергеевич, ведь ты же понимаешь толк в этом деле, как же ты поддался на эту дурацкую “антиалкогольную кампанию”?» Было хорошо и весело. Перед каждым на столе лежало меню, и я предложил расписаться всем на этих меню на память. Все согласилось. Это меню с автографами сейчас перед моими глазами... Нет Сергея Павловича Залыгина. Нет и Раисы Максимовны...

С тех пор прошло не так уж много лет... Громадные изменения произошли в стране и в личной судьбе Михаила Сергеевича Горбачева. Однако независимо ни от чего, почти в каждый свой приезд в Петербург он приходит в наш театр. Раньше — с Раисой

Максимовной, теперь один... И мы его встречаем как доброго старого друга.

Бывает так, что человек открывается в своей сути сразу и полностью. В один из своих визитов в Петербург, уже после отставки с поста Президента СССР, Михаил Сергеевич, узнав от меня, что тяжело болен Владислав Игнатьевич Стржельчик, в тот же день посетил его в больнице. Минут пятнадцать, держа за руки любимого им актера, Горбачев говорил ему утешительные слова, желая выздоровления, а затем беседовал с дежурным врачом... Позднее — приехал на похороны... Отвечая в Пулковке на вопросы журналистов, сказал, что никаких других дел в Петербурге у него нет, кроме как проститься с выдающимся артистом и другом, и сразу после погребения и поминок вернулся в Москву. Один этот факт для меня лично говорит о человеке больше, чем многие пространные статьи...

Во все времена — и будучи почти богом в образе Генсека, и на посту первого и единственного Президента СССР — Горбачев сохранял и сохраняет душу открытой для дружбы, для простых человеческих чувств, откровенных симпатий и большой любви... Живой человек, со своими слабостями и недостатками, он может рассказать про себя анекдот и хохотать вместе со всеми, может заплакать в горе и не стыдиться своих слез. И мы за это любим его.

